

А. А. Корольков

РУССКАЯ ИДЕЯ И ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

В статье критически рассматриваются концепции общечеловеческой культуры, недооценивающие или игнорирующие специфику национальных культур. В своей аргументации автор использует труды Н. Я. Данилевского, К. Н. Леонтьева, Н. С. Трубецкого, И. А. Ильина, а также отечественных историков. Русская идея рассматривается как радикально отличающаяся от рационалистических идей, она воспламеняет душу народа, объединяет его. Исторически русская идея выразилась в стремлении к единению земель, в становлении Святой Руси и в создании Великой России. Доминанта духовности и поиск правды оцениваются автором как проявления русской идеи. Библиогр. 15 назв.

Ключевые слова: национальная идея, русская идея, общечеловеческая культура, этнический национализм, державный национализм, духовность, правда.

A. A. Korolkov

RUSSIAN IDEA AND UNIVERSAL CULTURE

In the article the author criticizes the concept of universal culture ignoring specifics of national cultures. As argument the author uses N. Ya. Danilevsky, K. N. Leontyev, N. S. Trubetskoy, I. A. Ilyin's works, and also works of Russian historians. The Russian idea is considered as different from rationalistic ideas, it reveals the soul of the people, unites it. Historically Russian idea was expressed in aspiration to a unification of lands, in formation of Sacred Russia and in creation of Great Russia. The domination of spirituality and search of the truth are estimated by the author as manifestations of the Russian idea. Refs. 15.

Keywords: national idea, Russian idea, universal culture, ethnic nationalism, sovereign nationalism, spirituality, truth.

Русская идея обсуждалась в русской философии весьма расширительно — как идея национально-культурного самоопределения нации в истории. Такое истолкование русской идеи стало почти общепринятым в 90-е годы XX столетия [1].

В словах «национальная идея» многие склонны обнаруживать отрицательный оттенок, поскольку в ней слышатся отзвуки национализма, с которым и вовсе связывают разрушительные для личности и государства последствия. Словосочетание «национальная культура» обычно не вызывает резко негативного отношения, но и здесь с XIX столетия появились свои скептики, уповающие на «общечеловеческую культуру» — это видно из полемической главы книги «Россия и Европа» Н. Я. Данилевского, называющейся «Отношение народного к общечеловеческому». «Под общечеловеческим, — писал он, — разумели то, что так широко развивалось на Западе в противоположность узконациональному русскому» [2, с. 97]. Данилевский глубоко владел биологическими знаниями, ему принадлежит классическая критика теории естественного отбора в книге «Дарвинизм», предвосхищающая аргументацию генетиков и теоретиков номогенеза XX столетия. Не случайно он использовал биологическую аргументацию для обоснования подлинного отношения национального и общечеловеческого. «Какая форма растительного царства

Корольков Александр Аркадьевич — доктор философских наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Российская Федерация, 191186, Санкт-Петербург, наб. Мойки, 48; a-korolkov@mail.ru

Korolkov A. A. — Doctor of Philosophy, Professor, Herzen State Pedagogical University, 48, nab. Moyki, St. Petersburg, 191186, Russian Federation; a-korolkov@mail.ru

осуществляет наиболее полным во всех отношениях образом идею растения: пальма или кипарис? Дуб, лавр или розан? Очевидно, что такой формы вовсе нет... Полное осуществление идеи растения заключается лишь во всем разнообразии проявлений» [2, с. 98].

Поразительно прозорливы оказались русские философы XIX в. в оценке стремления стран и народов к национальному обособлению, оказывающемуся на деле движением к утрате национального своеобразия. Пребывавший в забвении многие десятилетия К. Н. Леонтьев ныне стал одним из самых востребованных мыслителей, особенно при обсуждении вопросов национального и общечеловеческого, консервативного и прогрессивного. Поиски путей развития современной России не случайно связывают с идеями Данилевского и Леонтьева — это видно, например, по трем выпускам «Тетрадей по консерватизму», отражающим острые обсуждения на московских форумах [3]. Именно Леонтьев первым заговорил о пагубе усредненной культуры, эгалитарного прогресса, в котором пошлет жизнь, всепоглощающей становится «массовая культура», потерявшая основополагающие черты культуры — укорененность в народных традициях, стремление к возвышающим ценностям, идеалам, неповторимость национального облика. Леонтьев даже названиями своих работ на столетие опередил время: «Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения», «Национальная политика как орудие всемирной революции». Разжигание национализма, который он именовал племенным, в действительности уничтожает национальное своеобразие, растворяет его в космополитизме. Эти идеи Леонтьева в начале XX столетия были подхвачены евразийцами.

И. А. Ильин критически относился к стремлению спастись от западнического соблазна соблазном евразийским. При этом обнаруживается поразительное совпадение позиций Ильина и одного из основоположников философии евразийства, Н. С. Трубецкого, в развенчании мифа о противопоставлении национальной и общечеловеческой культуры. «Нет единой общеобязательной “западной культуры”, перед которой все остальные — “темнота” или “варварство”... Нам нет спасения в западничестве. У нас свои пути и свои задачи. И в этом — смысл русской идеи» [4, с. 426].

Это написано Ильиным в 1951 г. На полстолетия раньше развернутое обоснование того, что так называемая «общечеловеческая культура» скрывала претензию на верховенство в мире романо-германской культуры, дал Трубецкой в небольшой книге, по объему почти брошюре, «Европа и человечество», оставив в написание ученым-гуманитариям образец фундаментального исследования, уместившегося на восьмидесяти двух страницах [5]. Фактически Трубецкой стремился, опережая время, предостеречь народы от подмены национальных культурных достижений технически-цивилизационными, за которыми упрятана идеология этнического превосходства, насажденная вскоре в Германии. Вместе с достижениями материальной культуры, которые универсальны, романогерманцы подсовывали и свои «универсальные» идеи, тщательно замазывая этнографическую сущность этих идей [5, с. 13].

Русские философы начала XX столетия видели сложность феномена национализма, способного являть миру неповторимых национальных гениев, а в других своих проявлениях — порождать национальную спесь, кичливость, пренебрежение к чужим культурам, обычаям. Стремление распознать противоречивую природу национализма обнаруживается даже в заголовках работ русских мыслителей —

«Об истинном и ложном национализме» Трубецкого [6], «Опасности и задания русского национализма» Ильина [7]. Ильин в этой работе пишет о больных, извращенных формах национального чувства и национальной политики, но настойчиво убеждает читателя также в том, что грядущая Россия будет национальной Россией, обнаруживая цветение национального своеобразия. Национальную идею он связывал с чувством и осознанием исторической миссии народа, любви к историческому облику народа, к его духовному пути.

Подмена «общечеловеческого» диктатом доминирующей экономически или политически нации достаточно очевидна — это происходило и в германской истории, происходит и ныне не только в информационных потоках, но и в действиях Соединенных Штатов. Исторически неиссякаемы соблазны и другого рода — «племенного» (по выражению Леонтьева), или этнического национализма. Народы, не способные преодолеть этнического национализма, не могут создать Державу, соединить в единой государственности многие народы. Россия в своей истории доказала уникальную способность создать целостный организм государства, который называли и часто продолжают называть империей, но в действительности это была Держава, которая выработала и особый тип национализма — державный, где все народы созидали и отстаивали крепость Державы, сохраняя разнообразие национальных культур.

У российской державности есть предыстория, она отражена и заложена в письменных свидетельствах — «Слове о Законе и Благодати» и в «Русской Правде», то есть еще в XI в. Тогда же явлена была из внутреннего порыва народностей (племен), княжеств национальная идея собирания, единения земель.

Наши предки впитывали истины и ценности духовного единения, знали, что дом, распавшийся изнутри, погибнет, стремились как к семейному, так и к державному домостроительству.

Историк Евгений Францевич Шмурло, опубликовавший крошечным тиражом в Праге в 1930-х годах фундаментальный «Курс русской истории», который мне удалось на излете XX в. переиздать в Петербурге [8], пытался ответить на многие спорные вопросы русской истории (эти спорные вопросы вошли в четвертый том его «Курса»), в том числе он ставил вопрос: «Что воспитало в русских людях национальную идею?» Его выводы заключались в том, что в течение первых шести веков (862–1462) молодые народы, населяющие пространства будущего целостного государства, не слишком дорожили единением. С его точки зрения, факторами становления нации стали общность происхождения, единство языка, веры, быта, семейных, общественных отношений, общие источники просвещения (образования), прежде всего византийские, и, наконец, общие враги. Последний фактор подчеркивали и предшественники Шмурло, Н. М. Карамзин, например, считал, что без монголов могло пройти еще сто лет и более в княжеских междоусобицах.

Стремление к великокняжеству стало и стремлением к единой Державе, это стремление проявилось у Ивана Калиты, а в полной мере раскрылось в делах Ивана III и Василия III.

Христианство, именно в форме православия, сумело выполнить духовную миссию единения этносов в единый Народ, не лишая этносы их своеобразия в культуре, бытовом укладе и даже в религии. То, что нынче стали называть толерантностью, т. е. фактически терпимостью, в православии имело более высокий смысл — стрем-

ление к братству, любви, соборности. И это не были пустые слова. Это была основа веры. Во что человек и народы верят — такими они и становятся. Ильин подчеркивал даже различие двух слов в русском языке — «вера» и «верование». Верующий — это не просто верящий в нечто — в науку, в идолов, в карточное везение, в удачу. Достоевский писал, что быть русским — значит быть братом всех людей.

Как раз к XIV–XV вв. христианство становится могучей духовной силой, но не исчезает и языческая культура, Г. Флоровский называл это сосуществованием «дневной» и «ночной» культуры [9]. Двоеверие постепенно перерастало в доминирование христианского мировоззрения.

«Слово о Полку Игореве» по подсчетам исследователей содержит около половины языческих образов и около половины христианских, но «Плач Ярославны» — кульминация «Слова» — пронизана языческими образами, там Ярослава обращается за помощью не к заступнице Богородице, а к Ветру, к Днепру Славутичу, к Солнцу. В XII в. русская земля для автора «Слова» — еще земля языческого бога Трояна. Другое дело «Задонщина» — памятник конца XIV в. Там уже прямо говорится о «православном русском народе», князь Дмитрий Иванович призывает «голова свои положить за землю русскую и за веру христианскую».

XV век дал ростки противоречия либеральной идеи свободы и государственности. Духовным стержнем российской государственности стало православие, а его именно в XV в. попытались расшатать, воздействуя на великих князей. Об этом говорит полемическое сочинение Иосифа Волоцкого «Просветитель» [10]. Эпоха Ивана III и Василия III создала духовные основания единого русского государства и в то же время пережила духовные соблазны, повлиявшие даже на княжескую власть Великого Новгорода и Москвы. В эту эпоху в самом народе вызрели словосочетания «Святая Русь», «Святорусская земля». В отличие от известного афоризма старца Филофея «Москва — третий Рим», которое не могло быть воспринято всем народом хотя бы потому, что крестьянство вряд ли знало что-то о Риме, выражение «Святая Русь» родилось, как отмечал А. В. Карташев, «в неписаном народном предании... как “красно солнышко”, “море синее”, “мать-земля сырая”... “Святая Русь” есть глас народа» [11, с. 136]. Россия восприняла духовную эстафету от Византии; крепость православия и его роль в судьбах русской государственности на века как раз и отстоял Иоанн Санин, более известный как Иосиф Волоцкий. Святая Русь — это проявление одного из исторических этапов русской идеи, который не исчерпал себя лишь в прошлом.

Как отмечал Вяч. Иванов, «не Гердер и Гегель изобрели понятие “национальная идея”, не философы его измыслили, ипостазировав некоторое отвлечение или метафизическую схему, но создала и реализовала, как один из своих основных фактов, история... Национальная идея есть самоопределение собирательной народной души... упреждающее исторические осуществления и потому двигающее энергии» [12, с. 363]. Национальная идея — это духовная энергия народа. Стало быть, русская идея не может быть изобретена нами по метафизическому своеволию.

Русская идея удержалась и в народе, живущем в пределах России, и в зарубежном рассеянии наших соотечественников, причем о смысле русской идеи сумели сказать больше как раз оторвавшиеся от России — в силу вынужденного изгнания — мыслители. Там мысль даже прямых западников сосредоточивалась на России, на попытках понять, обладает ли Россия национальным самосознанием,

стихийным проявлением своих целей, своим лицом, чтобы остаться Россией, а не территорией.

Россия — великая духовная держава, таковы факты ее более чем тысячелетней истории. Нам есть на что опираться — на веру, культуру, победы над врагами и над самими собой. Страна, обладающая духовной силой, способна на прорывы в любой области — экономической, военной, научной, художественной. Россия и совершала такие прорывы, опираясь на дух народа, на его веру, уповая на небесное покровительство. Крещение Руси стало объединяющей силой для разрозненных земель, народов, создало соборное начало, целостное государство.

Русскую идею пытаются часто объяснить как рациональную идею, как аналог научной идеи. Но речь идет о другом — чем воспламенится душа народа? что объединит весь народ, всю нацию?

Ныне, когда политики часто говорят о необходимости выработки современной национальной идеи, возможно, следует внимательнее присмотреться к историческим урокам проявления русской идеи. Во всяком случае, возникает необходимость движения к синтезу всех трех названных выше идей — стремления к единению распавшихся земель, особенно трех исторически нераздельных земель и народов; стремления к Святой Руси, живущей по законам духовности, правды, справедливости; стремления к великой России. У России есть возможности для нового духовного подъема, а значит, и для подъема во всем остальном, в том числе в экономике.

Два десятилетия у нас прошли под флагами прагматики, без всенародной нацеленности на идеалы. Духовность — это проявление устремленности к идеалам, к совершенству, Абсолюту, к Богу, возвышение души к Духу. На Руси, в России всегда искали правду в отношениях, в поступках, стремлениях. Правда была большим, чем справедливость — это одухотворенная истина в действии. Заметим, что только в русском языке есть этот самостоятельный смысл у слов «правда» и «истина». Даже в близких языках, например, словацком, есть только «правда» — она равно относится и к научному толкованию истины (гносеологическому), и к поиску жизненной правды. Правда обращена к свету духовности. Это можно проследить и в религиозной нашей литературе, и в художественной, и даже в правовой. От Поучения Мономаха, от первого свода православных установлений — «Русской Правды» — до пронзительных высказываний Шукшина: «Мне бы только до правды пойти!» — вся история наша пронизана поисками духовности, правды, идеалов.

Нельзя сказать, что европейская философия вовсе не использовала понятия «правда». И. Д. Осипов обоснованно отмечает, что «в европейской философии, в частности у Канта, мы находим понятие “правда”, однако оно там рационализируется, что способствует формализации нравственно-правовой сферы общественных отношений и юридизации нравственности» [13, с. 136]. Русская же философия права не удовлетворилась формализованным правом, стремилась осветить право нравственностью, отсюда и сложилось особое отношение к правдоискательству, к мечте об утверждении правды. В. В. Бибихин, посвятивший в курсе лекций по философии права специальный раздел анализу «Русской Правды», пришел к выводу, что право и правда для древних русичей были тождественны [14]. И не только для начальных этапов становления правовой культуры, но и для всех последующих веков российской истории. Доминанта нравственности порой оказывалась настолько очевидной, что ранних славянофилов упрекали в отрицании права в угоду

нравственности, хотя русское понимание правды вовсе не являет собой правовой нигилизм. В правде нормы права и нравственности не просто сближаются, они устремляются к гармонии, к оптимальному единению [15].

Нынешнее упование на построение правового государства не учитывает исторической неотрывности в российском восприятии права и нравственности. Отказ от духовности и душевности даже в сфере права, т.е. чистый формализм права, означал бы попытку расстаться с самой рускостью как качеством души. Народ — это симфоническая личность (Л. П. Карсавин, Н. С. Трубецкой), народ имеет свое лицо. Останется ли русский народ народом собственной культуры, симфонической личностью, или растворится в безликости? Это не абстрактный вопрос, это вопрос каждому из нас.

Культура державности выростала из особого типа национализма — державного, объединяющего разные этносы и даже разные религии, но корневой системой державности была духовность русского народа, примиряющая и собирающая этносы. Здесь сказалась не только православность русского народа, но весь строй души. Чтобы создать державу, нельзя титульной нации культивировать высокомерие, кичливость, чувства превосходства — такие качества не принимаются другими народами и не дают создать организм державности. Русский народ можно назвать державным народом, но цветение державности невозможно, если унижаются культура, достоинство, святыни народов, в том числе, если не в первую очередь, объединяющего народа. Ныне слышим справедливые мнения малочисленных народов о том, что их надежды на расцвет возможны, если в полную мощь поднимется русский народ. Державный национализм — это бережное отношение к государственности и национальным культурам, в том числе русского народа. Это антипод племенного, этнического национализма. В последнее столетие происходила и происходит подмена народной культуры массовой суррогатной псевдокультурой, которая самим названием «массовая культура» претендует быть доминирующей культурой. Заметим, что народ и масса — не тождественны, равно как и массовая культура — вовсе не наследница народной культуры. Заигрывание с массой, потакание физиологизму вкусов — это не исторический путь России. Разрушение духовной культуры — угроза всей государственности.

Прочно Россия стояла, когда устойчивыми были семья, религия, любовь к Отечеству, весь духовно-нравственный уклад жизни: совесть, милосердие, соборное братство в отношениях, любовь к ближнему, стремление к общему благу, почитание святынь и предков, удовлетворенность достатком, но не жажда наживы, трудолюбие.

Следует учитывать уроки истории, помнить, что народы, государства исчезали, растворялись, если отворачивались от своей культуры. В наше время, когда небывало усилились информационные средства, судьбы духовной культуры зависят от субъективных усилий власти, людей, причастных к распространению информации, от каждого человека, небезразличного к судьбе Отечества и завещанной нам предками культуре.

Литература

1. Гулыга А. В. Русская идея и ее творцы М.: Соратник, 1995. 310 с.
2. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1995. 552 с.
3. Второй форум «Бердяевские чтения» // Тетради по консерватизму. Альманах. 2014. № 3. 254 с.

4. Ильин И. А. О русской идее // Ильин И. А. Собр. соч. Т. 2, кн. 1: Наши задачи. М.: Русская книга, 1993, 496 с.
5. Трубецкой Н. С. Европа и человечество. София: Российско-Болгарское книгоиздательство, 1920. 82 с.
6. Трубецкой Н. С. Об истинном и ложном национализме // К проблеме русского самопознания. Сб. ст. Париж: Евразийское книгоиздательство, 1927. С. 10–20 (Переиздание: Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык. М.: Прогресс, 1995. С. 114–125).
7. Ильин И. А. Опасности и задания русского национализма // Ильин И. А. Собр. соч. Т. 2, кн. 1: Наши задачи. М.: Русская книга, 1993. С. 366–379.
8. Шмурло Е. Ф. Курс русской истории: в 4 т. СПб.: Алетейя, 1999.
9. Флоровский Г. Пути русского богословия. Париж: ИМКА-ПРЕСС, 1988. 601 с.
10. Преподобный Иосиф Волоцкий. Просветитель. М.: Валаамский монастырь, 1993. 382 с.
11. Карташев А. В. Церковь. История. Россия. М.: Пробел, 1996. 303 с.
12. Иванов Вяч. О русской идее // Иванов Вяч. Родное и вселенское. М.: Республика, 1994. 428 с.
13. Осипов И. Д. Власть и интеллигенция в отечественной культуре // Интеллигенция: вчера и сегодня (сравнительный анализ). Симферополь: Ариал, 2014. 427 с.
14. Бибихин В. В. Введение в философию права. М.: ИФ РАН, 2003. 345 с.
15. Корольков А. А. Правда как гармония норм права и нравственности // Философия права. 2013. № 1. С. 7–11.

References

1. Gulyga A. V. *Russkaia ideia i ee tvortsy* [Russian idea and its creators]. Moscow, Soratnik Publ., 1995. 310 p. (In Russian)
2. Danilevskii N. Ia. *Rossia i Evropa* [Russia and Europe]. St. Petersburg, St.-Petersburg University Press, 1995. 552 p. (In Russian)
3. Vtoroi forum «Berdiaevskie chteniia» [Forum “Berdyayev’s readings”]. *Tetradi po konservativizmu. Al'manakh* [Conservative Notes], 2014, no. 3. 254 p. (In Russian)
4. Il'in I. A. O russkoi ide'e [About the Russian Idea]. *Il'in I. A. Sobr. soch. T. 2, kn. 1: Nashi zadachi* [Ilyin I. A. Our targets. Collection of works. Part 2. Book 1]. Moscow, Russian book Publ., 1993. 496 p. (In Russian)
5. Trubetskoi N. S. *Evropa i chelovechestvo* [Europe and humanity]. Sofia, Rossiisko-Bolgarskoe knigoizdatel'stvo, 1920. 82 p.
6. Trubetskoi N. S. Ob istinnom i lozhnom natsionalizme [About true and false nationalism]. *K probleme russkogo samopoznaniia. Sb. st.* [To the subject of Russian self-cognition. Collection of articles]. Paris, Eurasian publishing house, 1927, pp. 10–20 (Pereizdanie: Trubetskoi N. S. Istoriia. Kul'tura. Iazyk [Republication: Troubetskoy N. S. History. Culture. Language]. Moscow, Progress Publ., 1995, pp. 114–125). (In Russian)
7. Il'in I. A. Opasnosti i zadaniia russkogo natsionalizma [Dangers and assignments of Russian nationalism]. *Il'in I. A. Sobr. soch. T. 2, kn. 1: Nashi zadachi* [Ilyin I. A. Our Targets. Collection of works. Part 2. Book 1]. Moscow, Russian book Publ., 1993. S. 366–379. (In Russian)
8. Shmurlo E. F. *Kurs russkoi istorii: v 4 t.* [Course of Russian history. 4 parts]. St. Petersburg, Aleiteiya Publ., 1999. (In Russian)
9. Florovskii G. *Puti russkogo bogosloviia* [Ways of Russian theology]. Paris, IMKA-PRESS, 1988. 601 p.
10. *Prepodobnyi Iosif Volotskii. Prosvetitel'* [The Reverend Joseph Volotskyi. Educator]. Moscow, Valaam monastery Publ., 1993. 382 p. (In Russian)
11. Kartashev A. V. *Tserkov'. Istoriia. Rossiia* [Church. History. Russia]. Moscow, Probel Publ., 1996. 303 p. (In Russian)
12. Ivanov Viach. O russkoi ide'e [About the Russian idea]. *Rodnoe i vselenskoe* [Native and global]. Moscow, Republik Publ., 1994. 428 p. (In Russian)
13. Osipov I. D. Vlast' i intelligentsiia v otechestvennoi kul'ture [Power and Intelligence in national culture]. *Intelligentsiia: vchera i segodnia (sravnitel'nyi analiz)* [Intelligence: yesterday and today (comparative analyses)]. Symferopol, Aerial Publ., 2014. 427 p.
14. Bibikhin V. V. *Vvedenie v filosofiю prava* [Introduction to philosophy of law]. Moscow, Publishing House Russian Academy of Science, 2003. 345 p. (In Russian)
15. Korol'kov A. A. Pravda kak harmoniia norm prava i nravstvennosti [Truth as harmony of law and morality standards]. *Filosofiia prava* [Philosophy of law], 2013, no.1, pp. 7–11.

Статья поступила в редакцию 8 июня 2015г.